

Да, когда они глядели на меня своим милым проникнутым любовью взглядом, когда, я чувствовал, что при них и моё сердце становилось столь же невинным и правдивым, как и их сердца, то и я не жалел, что не понимаю их. От ощущения полноты жизни мне захватывало дух, и я молча молился на них. О, все теперь смеются мне в глаза и уверяют меня, что и во сне нельзя видеть такие подробности, какие я передаю теперь, что во сне моём я видел или прочувствовал лишь одно ощущение, порождённое моим же сердцем в бреду, а подробности уже сам сочинил проснувшись. Пусть сон мой породило сердце моё, но разве одно сердце моё в силах было породить ту ужасную правду, которая потом случилась со мной? Как бы мог я её один выдумать или пригрозить сердцем? Неужели же мелкое сердце моё и капризный, ничтожный ум мой могли возвыситься до такого откровения правды! О, судите сами: я до сих пор скрывал, но теперь доскажу и эту правду. Дело в том, что я... развратил их всех! Знаю только, что причиною грехопадения был я. Они научились лгать и полюбили ложь и познали красоту лжи. О, это, может быть, началось невинно, с шутки, с кокетства, с любовной игры, в самом деле, может быть, с атома, но этот атом лжи проник в их сердца и понравился им. Затем быстро родилось сладострастие, сладострастие породило ревность, ревность – жестокость... О, не знаю, не помню, но скоро, очень скоро брызнула первая кровь: они удивились и ужаснулись, и стали расходиться, разъединяться. Родилось понятие о чести. Они стали мучить животных, и животные удалились от них в леса и стали им врагами. Началась борьба за разъединение, за обособление, за личность, за моё и твоё. Они стали говорить на разных языках. Они познали скорбь и полюбили скорбь, они жаждали мучения и говорили, что Истина достигается лишь мучением. Тогда у них явилась наука. Когда они стали преступны, то изобрели справедливость. Они чуть-чуть лишь помнили о том, что потеряли, даже не хотели верить тому, что были когда-то невинны и счастливы. Они до того захотели быть невинными и счастливыми вновь, опять, что пали перед желанием сердца своего, как дети, обоготворили это желание, настроили храмов и стали молиться своей же идее, своему же «желанию», в то же время вполне веруя в неисполнимость и неосуществимость его, но со слезами обожая его и поклоняясь ему. Они говорили: «Пусть мы лживы, злы и несправедливы, мы знаем это и плачем об этом, и мучим себя за это сами, и истязаем себя и наказываем больше, чем даже, может быть, тот милосердый Судья, который будет судить нас и имени которого мы не знаем. Но у нас есть наука, и через неё мы отыщем вновь истину, но примем её уже сознательно. Знание выше чувства, сознание жизни – выше жизни. Наука даст нам премудрость, премудрость откроет законы, а знание законов счастья – выше счастья». Вот что говорили они, и после слов таких каждый возлюбил себя больше всех, да и не могли они иначе сделать. Явились религии с культом небытия и саморазрушения ради вечного успокоения в ничтожестве. Наконец эти люди устали в бессмысленном труде, и на их лицах появилось страдание, и эти люди провозгласили, что страдание есть красота, ибо в страдании лишь мысль. Я говорил им, что все это сделал я, я один, что это я им принес разврат, заразу и ложь! Я умолял их, чтоб они распяли меня на кресте, я учил их, как сделать крест.

♩ = 60

17. Когда умирают птицы

Cm (add2) *p* Cm Ab

Д. Ког - да у - ми - ра - ют пти - цы, при - ро - да о них не

Д. $E\flat$ F $A\flat$ Gm7

пом-нит, ле-жат, рас-пла-став-ши кры-лья, как сня-ты - е с кре-ста. Ког-

Д. C(add2) C $A\flat$ $E\flat$

да у-ми-ра-ют пти-цы, нет ни мо-гил, ни над-гро-бий, и

Д. F $A\flat$ Gm Cm G7(#9) *mf*

мы ми-мо них про-хо-дим с брезг-ли-вой гри-ма-сой ли-ца. Ког-

Д. Cm7 $A\flat$ 7 $E\flat$ (add2) $E\flat$

да у-ми-ра-ют пти-цы, кош-ки спе-шат к их пра-ху, бро-

Д. F(add2) F7 $A\flat$ 7 Gm7

дя-чи-е то-щи-е кош-ки мур-лы-ча на триз-ну спе-шат. Ког-

С7 Аб *p* Еб

Д. да у - ми - ра - ют пти - цы... Груст-но, но вот в чём прав- да: как

ча - сто лю - бовь люд - ска - я у - ми - ра - ет и - мен - но так.

rit.
Аб Gm7 Cm

Наконец, они объявили мне, что я становлюсь им опасен и что они посадят меня в сумасшедший дом, если я не замолчу. Тогда скорбь вошла в мою душу с такою силой, что сердце моё стеснилось, и я почувствовал, что умру, и тут... ну, вот тут я и проснулся. Первым делом я вскошил в чрезвычайном удивлении; никогда со мной не случалось ничего подобного, даже до пустяков и мелочей: никогда ещё не засыпал я, например, так в моих креслах. Тут вдруг, пока я стоял и приходил в себя, – вдруг мелькнул передо мной мой револьвер, готовый, заряженный, – но я в один миг оттолкнул его от себя! О, теперь жизни и жизни! И вот с тех пор я и проповедую! Потому что я видел истину, я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей.

18. Забили дождинки по листьям берёз

$\text{♩} = 150$

Д. Em G Em *mp*

За -

С.ч. Em G Em *mp*

За -

mp